

РАЗДЕЛ 4 ИСТОЧНИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Середа Н. В. ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТВЕРСКИХ КУПЦОВ: К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ И ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Самоназвания сохранившихся текстов личного происхождения тверского купечества дореформенного периода – разнообразны, они зафиксированы на обложках дел и в справочниках по архиву [1]. Исследователи воспроизводят их, не предлагая новых, более точно отражающих жанровую принадлежность текстов. Сохранившиеся тексты в значительной мере написаны синхронно происходившим событиям и могут расцениваться как дневники. При этом элементы повествования о прошлом, содержащиеся во всех этих документах, приближают их мемуарам.

Используя термин « мемуары » автор доклада исходит из понимания этого термина А. Г. Тартаковским, который определял мемуары как « повествования о прошлом », ретроспективно отражающие действительность [7, с. 11].

Исследованные тексты отчасти отвечают и определению мемуаров, данному М. Ф. Румянцевой [3, с. 472]. В них достаточно отчетливо видна индивидуальность авторов записей; подчас они фиксируют общественно значимые события [4] (войны, которые вела Россия, восстание под руководством Е. Пугачева и др.), по ним даже возможно проследить эволюцию общественно значимых для городов края событий и совершенно точно можно проследить эволюцию некоторых представлений горожан [5].

При определении жанровой принадлежности изучаемых текстов следует иметь в виду, что они являются плодом труда не отдельных людей, а семейных и даже родовых кланов. Общим для всех этих текстов является наличие у основного автора каких-либо предварительных заметок предков или его собственных ранних записей, перенесенных в дошедший до нас памятник. В Памятной книги семейства Томиловых этот факт специально подчеркнут. Влас Григорьевич Томилов, приступая в 1822 г. к ведению своей Памятной тетради, сначала переписал в нее заметки, которые вел ранее, с 1776 г. по 1797 г., его отец Григорий Григорьевич, а также он сам, начиная с 1797 г. Обо всем этом он сообщает в заголовке к своему творению: « Памятная книга к [упца] В [ласа] Г [ригорьевича] Томилова, писанная тверским купцом Григорьем Григорьевичем Томиловым с 1776 года по 1797-й год, а с того времени продолжается Власом Григорьевичем Томиловым » [2, с. 318].

Записи в « Летописи Михаила Тюльпина », относящиеся к XVIII в. носят мемуарный характер. Так под 1777 годом описаны события 1809, 1812, 1818 и даже 1822 г. Начало Летописи Михаила Тюльпина явно составлено на основе воспоминаний автора о пожаре в Твери 1763 г., об облике города до пожара и о процессе восстановления города и его перепланировке. В 1763 г. Михаилу было 8 лет, вероятно многое он не столько сам помнил, сколько знал по рассказам окружавших его людей, а возможно, и по записям, сделанным родственниками или знакомыми. Установлено, что восстановить и описать застройку Твери до пожара 1763 г. Михаил смог с помощью бывшего соседа Семена Васильевича Янковского. Рукопись Янковского с описанием каменных построек города была обнаружена в фондах Тверского Государственного объединенного музея. Она была составлена по просьбе Михаила Тюльпина и выглядит, как письмо, адресованное Михаилу. Текст, содержащийся в этом письме несколько отличается от текста самого М. Тюльпина, вошедшего в памятник.

Скорее всего в основе записей « Летописи Михаила Тюльпина », относящихся к периоду до 1775 г., лежат записи представителей старшего поколения, а основе последующих – записи самого Михаила. Эти свои записи, заметки своих предков, а также другие используемые источники Михаил литературно обработал в 1817 г., когда собственно и начал вести сохранившийся до наших дней памятник. Переписав содержание различных источников о событиях минувших, он стал фиксировать вновь происходящие события сразу по мере того как они происходили. Об этом позволяет говорить появившаяся небрежность почерка. Михаил не называет автора тех предварительных записей, которые составили основу его дневника, но скорее всего им был отец Михаила – священнослужитель.

Элементы повествования о прошлом есть в каждом из анализируемых памятников. Основаны они как на собственной памяти авторов, так и на письменных источниках, послуживших основой для сохранившихся текстов. Тверские купцы не только фиксировали значимые для них события, но также заботились о сохранении этих записей и о передаче их потомству. Для этого они периодически переписывали информацию на новый материальный носитель. В процессе переписывания более ранний текст как правило пополнялся новыми сведениями. В этом случае ранее

известные сведения входили в состав создаваемого текста органично, вписывались тем же почерком, тем же пером и одними и теми же чернилами, что и другие, близкие по расположению записи. Так в памятной книге купцов Томилов под 1777-м годом сообщается о событиях, отделенных друг от друга несколькими десятилетиями: « 1777-й год. июня 28-го заложен монумент [Екатерине II, – Н. С.] ...Которой сломан в 1811-м году при принце, с тем, дабы построить великолепнее и огромнее. Но за смертью его остался не сделанным. [2. с. 318] Имеется в виду принц Георгий Ольденбургский, бывший в 1809–1812 г. генерал-губернатором тверским, новгородским и ярославским. Его резиденция располагалась в Твери. Принц скончался в конце 1812г.) И в других случаях Влас не просто переписывал предварительные записи, но дополнял их новыми фактами, которые позволяют читателю увидеть развитие судьбы того или иного человека, явления и т. д. Под 1791 г. имеется запись следующего содержания: «*маия 22-го родилась у Матрены дочь Феодосья Никифоровна, что ныне за Якимом Матвейчем Барылиным*» [2? с. 320]. Наличие аналогичных, сложносоставных записей – это один из признаков, которые придают исследуемым источникам характер мемуаров.

Еще один прием, который использовали авторы, является внесение приписок к ранее созданному тексту. Этот прием наиболее часто использовали члены семьи Блиновых. Приписки вносились автором записей, но другими чернилами и другим пером. Эти дополнения достаточно легко вычлняются в основном тексте рукописей и придают источникам характер произведений мемуарного жанра. В дневнике Блиновых 1772-м годом датирована запись о том, что у Покрава церковь каменная сделана и отбелена совсем месяца сентября». А далее следует приписка, сделанная другими чернилами: « 1774 году октября 1-го дня освещена». [2, с. 226] В Летописи М. Тюльпина арабскими цифрами, проставленными на полях, пронумерованы все записи о смене епископов в Твери. Одна из записей 1763 г. выглядит следующим образом. «2. Декабря 6-го дня определен сюда преосвященный Гавриил, но встречу его за малолетством не упомяну. Но только часто ходил я смотреть его в служении и слушать его проповеди, которые говорил он очень хорошо. В 1770-м г. переведен в Санкт-Петербург. Второй на памяти» [2, с. 270]. Наличие таких приписок позволяет думать, что авторы периодически перечитывали свои, ранее сделанные записи. т. е. написанные ими тексты выполняли автокоммуникативные функции. что придает им свойства эго-документа. Перечитывание текста позволяло авторам «обозревать путь», пройденный ими [7, с. 12; 8]

Однако, как свидетельствуют тверские купеческие памятники личного происхождения, обозревать прожитое время можно было и иным способом, таким, который часто использовал Карпович Блинов.

Он являлся основным автором «дневника» Блиновых. Многие из его записей являют собой образец хронологической системы *ex post*, в которой производится отсчет от настоящего в прошлое [4, с. 180 –181] Их анализ позволяет реконструировать «событие самого рассказывания» и мы можем предполагать, что поводом для обращения Иова к семейной хронике обычно служило какое-либо событие, максимально приближенное по времени к очередному этапу работы над дневником. Однако, взяв дневник в руки, Иов как бы имплицировал себя в некую иную реальность – уже свершившегося – и в этой реальности память вела его все дальше вглубь времени от события, ставшего толчком для того, чтобы обратиться к дневнику и зафиксировать это событие в нем. В итоге автором, во-первых, оказывались осмысленными и заново пережитыми события прошлого и, во-вторых, эти события оказывались описанными, а значит включенными в историческую память семьи.

Поводом обращение Иова к дневнику в январе 1774 года, стало рождение сына 27 декабря прошедшего года. Прежде чем сделать запись об этом событии, Иов фиксирует факт своей женитьбы в ноябре 1772 г., тем самым устанавливая причинно-следственную связь событий и располагая их в порядке хронологии на оси времени. В итоге весь этот комплекс событий описан им в январе 1774 г., но под 1772 г. «В 1772 году ноября 11 дня Иев Блинов женился. А женился 20 лет. Сын родился Иван 1773 году месяца генваря декабря 27 дня». Зачеркнутое слово «генваря» и позволяет предположить, что эта комплексная запись, датированная 1772 годом, была сделана в январе 1774 года. Однако, поток сознания вел Иова дальше вглубь времен, к воспоминаниям о рождении брата Никифора в 1764 году. Иову было 14 лет, когда родился брат, и событие это по всей вероятности произвело на него большое впечатление, стало неким перерывом в череде однообразных будней. Рождение собственного сына стало толчком к осмыслению этого события с позиций взрослого человека и он счел необходимым внести это событие десятилетней давности в свой дневник после сведений о своей женитьбы и рождении своего сына.

В результате в дневнике, в составе записи, сделанной в январе 1774 г., описаны события, произошедшие в 1772 и даже в 1764 г. Вся эта серия событий зафиксирована одновременно, одним почерком и одними чернилами. Начерк букв, толщина линий, ритм расположения письменных знаков в строке и расстояние между строк абсолютно выдержаны на протяжении всей записи, включающей в свой состав сообщение о трех событиях: женитьба, рождение своего сына и рожде-

ние брата почти 10 годами ранее. Подобные записи придают источнику характер мемуаристики и, позволяет размышлять над изменениями душевного состояния и переживаниями автора. Они открывают возможности для интерпретации анализируемых текстов как эго-документов, подтверждают, что произведения мемуарного жанра с конца XVIII в. создавались не только в среде представителей высших сословий [9, с. 132].

1. Голубев, И. Ф. Коллекция рукописей. Краткий обзор. / И. Ф. Голубев. – Калинин, 1960.
2. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII–XIX века. – М.: РОСПЭН, 2007. – 470 с.
3. Румянцева, М. Ф. Мемуары – «современные истории» // Источниковедение: учебное пособие. – М.: РГГУ. – 1998.
4. Савельева, И. М. История и время. В поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М., 1997.
5. Середа, Н. В. Дневниковая традиция купеческих семей Тверского края / Н. В. Середа // Традиции династий Верхневолжья: материалы региональной научно-практической конференции, Тверь–Калязин, 8–10 сентября 2003 г. – Тверь, 2007. – С. 204–215.
6. Середа, Н. В. Гендерные отношения в среде тверского купечества / Н. В. Середа // Тверь и города-побратимы: прошлое, настоящее, будущее: материалы Международной научно-практической конференции, Тверь, 25 мая 2007 г. – Тверь, 2007. – С. 120–132.
7. Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге / А. Г. Тартаковский. – М.: Наука, 1991. – 288 с.
8. Троицкий, Ю. А. Аналитика эго-документа: инструментальный ресурс историка / Ю. А. Троицкий // История в эго-документах: исследования и источники. – Екатеринбург, 2014. – С. 14–31.
9. Чекунова, А. Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII – XVIII вв.: Опыт источниковедческого анализа / А. Е. Чекунова. – М. 1995. – 136 с.

Ермакова О. К.
ИНОСТРАННАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭЛИТА УРАЛА XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX В.:
РЕКОНСТРУКЦИЯ СТАТУСА ПО АКТОВЫМ ИСТОЧНИКАМ*

А. Я. Купфер, описывая совершенное им в 1828 г. путешествие по Уралу, с приятным удивлением подчеркивал, что даже в местах, существенно отдаленных от центров цивилизации (таких, например, как Миасский завод на Южном Урале), он и его команда имели удовольствие наслаждаться всеми благами европейской жизни, а в Златоусте у ученого сложилось впечатление, будто он находится в немецком «заводском городе» [24, с. 114–115, 129–132]. Недаром редактор «Отечественных записок» П. И. Свиньин назвал тот же Златоуст «уголком Германии, перенесенным в Уральские горы» [8, с. 142]. Яркая выраженная «европейскость» была характерна и для Екатеринбурга, изначально создававшегося как город нового типа [19, с. 1697]. «Западные» компоненты повседневной жизни горнозаводского Урала, его культуры и идентичности обеспечивались устойчивым присутствием в регионе иностранцев. Зарубежные специалисты входили в элиту местного социума, «техническую» в смысле профессиональной принадлежности, являвшейся в силу хозяйственно-экономической специфики территории одним из ключевых факторов социального престижа.

Массовый приезд в Россию специалистов из Западной Европы в эпоху Петра I способствовал появлению большого количества актового материала, в котором фиксировались условия «сделки» между государством и иностранцами. Иноземцы попадали на службу через заключение контракта. Практика найма иностранцев по договорам, не являясь новшеством XVIII столетия, в эпоху Петра I приобрела массовый и систематический характер. При этом, складывается впечатление, что по сравнению с контрактами предшествующего периода, договоры первой четверти XVIII в. демонстрируют в некотором смысле «откат» назад в плане проработанности текста, его структуризации и полноты содержания. Думается, что основная причина этого состояла в том, что подписание контрактов с иноземцами в XVII в. еще не было поставлено на поток, а потому каждый документ тщательно составлялся [См., например: 6, с. 211–216].

С началом массовых миграций иностранных специалистов при Петре I разрастается категория иноземцев с особым статусом, который определял контракт (или его прототипы), заключенный на определенное время, не требовавший от контрактеров перемены веры или подданства, не запрещавший (а наоборот, подразумевавший) возможность возвращения на родину. В то же время, в связи с возросшим числом иностранцев и ускорением процедуры их въезда в Россию, документирование вербовки порой оказывалось скромным. В оборот вошли упрощенные договорные формы (договорные письма, капитуляции). В контрактах в большей степени нуждались сами иностранцы, отказывавшиеся выезжать без договоров [20, с. 90].

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 19–78–10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.»